

Научная статья
УДК 82.3(571.1/.5)+316.7
doi: 10.17223/19986645/86/9

Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в.

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. На материале художественной прозы сибирских писателей исследуется репрезентация ключевых концептов, дающих представление о культурном ландшафте Сибири. Выявляется видоизменение традиционного смыслового поля ряда концептов, в частности представлений о доме и семье, воле и труде. Делается вывод об обобщающем характере универсалии «горе», а также о противопоставлении ей областнического идеала Сибири как «молодой и богатой» страны, которая «сулит счастье» человеку.

Ключевые слова: литература Сибири, культурный ландшафт, концепт, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов

Благодарности: результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 157–183. doi: 10.17223/19986645/86/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/9

Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century

Irina F. Gnyusova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to identify the features of representation of key concepts that give an idea of the cultural landscape of Siberia. The material was prose fiction texts created from 1855 to 1897 by G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, N.I. Naumov, I.V. Omulevsky, D.A. Ponikarovsky, S.I. Cherepanov, V.M. Mikheev, A.K. Ordynsky, M.V. Zagoskin. A total of 34 works were studied. In the frontal analysis of the texts, the following universal concepts turned out to be the most representative: home/family, happiness/grief, labour/work, money/gain, will/captivity, life/death. It is revealed that the interpretation of universal concepts in the works of Siberian authors is influenced by the specific realities of life in the region and, consequently, the

dominant themes of fiction prose: it is associated with gold mining and the life of exiles. This results in the modification of the traditional semantic field of a number of concepts, in particular, ideas about home and family. On the material of stories and sketches, it is shown that the native home in Siberian prose is on the periphery of the concept's semantic field. Characters are usually outside the family, in a substitute, temporary dwelling, which is equally characterised by the absence of light and air. Also relevant is complete "homelessness", which is connected with the representation of the concept "will" and is often romanticised by vagrant heroes. On the contrary, ordinary peasant life, family and labour are associated by many heroes with captivity. The conclusion is made about the unambiguously negative filling of the semantic field of the concept "labour", which appears in Siberian prose as back-breaking work, drudgery that does not bring any benefits, including material ones. The research also resulted in the identification of a number of concepts that are traditionally reproduced in the texts of Siberian writers. One of them is "money/profit": rich peasants, peddlers and greedy officials are condemned, while non-acquisitiveness is praised as a popular ideal. The filling of the ambivalent concept "life/death" is also traditional: the characters' love of reasoning about the right way of life is shown, and the emptiness of the Siberians' "sleep life" is satirically portrayed. A separate group is passionate appeals of the regionalists to "seek life", to work for the good of their native land. It was found that the universal "happiness/grief" generalises the semantics of all the considered concepts. The universal is opposed to the regionalists' ideal of Siberia as a "young and rich" country that "promises happiness" to man. This ideal becomes a positive pole of the conceptual content of Siberian literature of the 19th century and, to a large extent, determines its further development.

Keywords: literature of Siberia, cultural landscape, concept, Grigory Potanin. Nikolai Yadrintsev, Nikolai Naumov

Acknowledgements: The results were obtained as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Gnyusova, I.F. (2023) Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 157–183. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/9

Сегодня концепт является общепризнанной категорией литературоведческого анализа, понимаемой как «фрагмент концептуальной картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста» [1. С. 115]. Он отражает «систему понятий, представлений», свойственных «времени и народу, культурной традиции» [2. С. 15], в которой существует каждый писатель. Чаше концептологический анализ применяется для выявления смысловых доминант отдельных произведений, а также для уточнения авторского замысла. Однако не менее продуктивным может быть и обратный подход: интерпретация концептов в литературных текстах позволяет рассмотреть «информационную структуру, отражающую знание и опыт» их авторов [3. С. 253], и шире – картину мира людей, принадлежащих к определенному социуму, эпохе, культуре. В статье будет предпринята попытка охарактеризовать культурный ландшафт Сибири во второй половине XIX в. путем исследования универсальных концептов в произведениях писателей Зауралья.

Необходимо сразу отметить, что если методология концептологического анализа разработана достаточно хорошо, то вопрос о классификации концептов остается во многом открытым. Так, под универсальными концептами иногда понимаются общечеловеческие¹, однако Н.В. Володина, наиболее авторитетный специалист по концептам как литературоведческой категории, склонна выделять скорее концепты-универсалии, обозначающие «абстрактные сущности, виды общественного сознания (этику, право, религию и т.д.), эмоции и чувства (страх, радость, удивление и т.д.) и др.» [4. С. 22]. К.Г. Исупов, определяя понятие «универсалии культуры», указывает на то, что это «общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности», общий генезис которых «связан с центральными оппозициями основного мифа (золотое яйцо, мировое древо): “жизнь/смерть”, “верх/низ”, и др.» [5].

Эта бинарность представляется плодотворной для концептологического анализа литературных текстов; она присутствует и в немногочисленных сегодня антологиях концептов. Так, в наиболее известном труде Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [6] встречаются пары «свой и чужие», «огонь и вода», «отцы и дети», «святое и скверна». Включает такие оппозиции («любовь и ненависть», «встреча, приветствие, прощание, расставание», «добро и зло», «свет и тьма») и восьмитомная «Антология концептов» под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина [7]. При выборе концептов для анализа мы опирались преимущественно на эти источники². В итоге при фронтальном анализе текстов наиболее репрезентативными оказались следующие концепты универсального характера (отдельные понятия были объединены по принципу оппозиционности или, напротив, взаимодополнения): дом/семья, счастье/горе, труд/работа, воля/неволя, жизнь/смерть. Кроме того, была выявлена актуализация дополнительного концепта, обозначенного как «деньги/нажива».

Круг авторов, чьи произведения были отобраны для исследования, формировался с учетом следующих критериев. С одной стороны, это писатели, художественный уровень которых был признан критиками и учеными. К таковым, бесспорно, относятся Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов, И.В. Оммулевский, В.М. Михеев: не являясь авторами первого ряда, они тем не менее публиковались в столичной прессе, а их произведения по сей день являются предметом научного анализа. С другой стороны, в центр исследования закономерно поставить писателей, сформировавшихся вокруг идеологов областного движения³ – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева: к ним принадлежат Н.И. Наумов, И.В. Оммулевский, М.В. Загоскин. Третий критерий связан

¹ См., например: [3. С. 253].

² Также необходимо назвать «Антологию художественных концептов русской литературы XX века»: [8].

³ О значительной роли областников в формировании литературного процесса в Сибири пишет, например, К.В. Анисимов: «Демонстрируя свое отличное знание ассоциирующихся с Сибирью текстов от летописей и исторических песен, посвященных Ермаку,

со стремлением дать наиболее широкий региональный охват авторов: это писатели, большая часть жизни или литературная деятельность которых прошла в Томске (Г.Н. Потанин, Н.И. Наумов), Барнауле (Д.А. Поникаровский), Иркутске (И.В. Омуревский, М.В. Загоскин, С.И. Черепанов, В.М. Михеев). Н.М. Ядринцев жил и работал в разных городах Сибири – от Омска до Иркутска; А.К. Ордынский долгое время провел в Забайкалье.

В качестве материала были использованы исключительно прозаические художественные тексты, созданные девятью сибирскими авторами в период с 1855 по 1897 г. Из 34 отобранных для анализа произведений большая часть принадлежит к жанру рассказа, также довольно частотны очерки. Кроме того, материал включает три неоконченных романа, две повести, одна из которых также не завершена автором, и одно драматургическое произведение в жанре комедии. Мы сознательно ориентировались на малую прозу как наиболее органичную для литературы Сибири этого периода, исключив из поля исследования два законченных романа, созданных в начале 1870-х годов выходцами из Сибири, – «Шаг за шагом» И.В. Омуревского и «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» И.А. Кущевского¹.

Тематика произведений сибирских авторов в указанный период достаточно однородна, что обусловлено, с одной стороны, общей принадлежностью писательского корпуса к разночинной среде, а с другой – спецификой материала, с которым имели дело беллетристы в эпоху господства реалистического метода в литературе. Герои их рассказов – люди из народа: крестьяне, приисковые рабочие, ссыльные, бродяги, также это местные чиновники различного ранга, представители купеческой и торговой среды, реже – интеллигенции. При этом круг проблем, описываемых в творчестве сибирских писателей, несколько отличается от общенациональной литературы: это обусловлено преобладанием в ней специфической местной тематики, связанной, с одной стороны, с золотодобычей, с другой – с жизнью ссыльных.

Быту и нравам рабочих на золотых приисках посвящены произведения очень многих писателей: это и неоконченный роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане»², и очерки Н.И. Наумова «Еж» и «Паутина», и

до творчества полузабытых поэтов недавнего прошлого, давая авторам этих текстов меткие характеристики, областники, по сути, конструировали историко-литературный процесс Сибири в его целостности, устанавливая взаимосвязи между этапами становления словесности края» [9. С. 5].

¹ Дополнительным аргументом против включения этих произведений в перечень материалов для анализа является то, что написаны они не полностью на сибирском материале. Хотя формально действие романа «Шаг за шагом» происходит в «одном из лучших губернских городов Восточной Сибири», Н.В. Серебренников справедливо замечает, что родина у Омуревского стала только «случайным фоном к портрету идеального героя в романе о “новых людях”» [10. С. 271]. В романе «Николай Негорев», где место действия не указано, автор, по утверждению Г.Н. Потанина, лишь «взял эпизод из сибирской жизни и потом окружил его чертами несибирского быта» [11. С. 27].

² Есть сведения, что Н.М. Ядринцев доработал и завершил «Тайжан», однако этот вариант рукописи до сих пор не обнаружен. Подробнее об этом см.: [12].

«очерк с натуры» Д.А. Поникаровского «Крестьяне-золотопромышленники» и его же «Сибирская Калифорния», и рассказ С.И. Черепанова «Неотысканное богатство». Жизнь ссыльных, а также вынужденных соседствовать с ними сибирских крестьян ярко описана в очерках Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»; отчасти тема вынужденного переселения осужденных в Сибирь присутствует в его же романтическом рассказе «Неожиданный гость на сибирских святках»; «Сибирячке» и «Острожном художнике» И.В. Омулевского; «Яблоне и яблочке» М.В. Загоскина.

Доминирование столь специфической проблематики явственно отражается на интерпретации одного из наиболее традиционных для мировой литературы концептов – «дом/семья». Соединение двух понятий в одно оправдано тем, что их ценностное наполнение очень близко. Как указывают авторы «Антологии художественных концептов русской литературы XX века», «аксиологическая доминанта концепта “дом” наиболее отчетливо проявляется при сравнении этимологически родственных понятий: носителями славянских языков дом осознается как “домашний очаг”, “род”, “семья”, любящие друг друга люди» [8]. Такое же понимание характерно и для народной культуры: дом «представлялся хранилищем основных жизненных ценностей: семьи, рода, достатка, покоя и уюта» [8]. Тем более контрастным оказывается представление о доме, обнаруживаемое в текстах сибирских авторов.

Прежде всего, традиционный дом в прозе сибирских авторов явно находится на периферии смыслового поля концепта. Более того, вид добротного, ухоженного дома, свидетельствующего о благополучии проживающих там людей, вызывает неизменное изумление рассказчиков, которое в ряде случаев передается идентичным выражением «бросаться в глаза», т.е. согласно словарю «привлекать внимание своим видом; быть особенно заметным» [13]. Очевидно, такой дом представляет собой нечто выдающееся на фоне окружающего. Подобный пример можно встретить в «Сибирской Калифорнии» Д.А. Поникаровского (1882): «Буйволы остановили лошадей у двухэтажного нового дома <...> новая ограда, множество служб и амбаров указывали на зажиточного хозяина. <...> Маланья провела их к отцу, жившему в верхнем этаже дома. И там, как внизу, чистота и опрятность бросались в глаза: стены были выбелены, полы выскоблены и покрыты шерстяными половиками; на полках блестели кастрюли и самовар» [14. С. 156–157].

И.В. Омулевский в неоконченном романе «Попытка – не шутка» (1873) описывает еще более выходящее из ряда вон явление: целое село здесь поражает аккуратностью и благополучием: «По мере того как тарантас подвигался вперед, искусно изворачиваясь в узеньких переулках, между плетеными заборчиками дворов и огородов, Матову все сильнее и сильнее бросалась в глаза проявлявшаяся здесь во всем какая-то необыкновенная опрятность или, пожалуй, зажиточность. По ту сторону Урала доктор не встречал ничего подобного, по крайней мере в таком дружном скоплении на одном месте» [15].

Однако и описание бедного дома, свидетельствующее о трудной жизни его хозяев, – явление нечастое в сибирской прозе. Даже у Н.И. Наумова, самого «народного» сибирского писателя, такие эпизоды единичны. Развернутое описание нищей крестьянской избы есть, например, в его рассказе «Юровая» (1872):

О горькой нужде в быту Кулька можно было заключить уже по обстановке в избе. Около покосившихся, но всё-таки чисто выбеленных стен стояли лавки, сходящиеся у стола в переднем углу. У печки висела люлька, в которой стонал обернутый в какие-то лохмотья больной ребенок. У узенького оконца, с натянутым вместо стекла бычачьим пузырем, едва пропускавшим дневной свет, сидела с прялкой в руках подросток-девочка, в одной грубой пестрядинной рубаше, прикрывавшей ее тощее тело. Сидя у люльки, жена Кулька, пожилая женщина с болезненно истомленным лицом, укачивала на руках другого больного ребенка, то прижимая его к груди, то поднимая на воздух, чтобы унять его плач и удушливый кашель. И мука, нестерпимая мука выражалась в эти минуты на ее лице. И грустная картина эта, и удушливый, спертый воздух, и царивший в избе мрак охватили бы человека, незнакомого с жизнью нашего крестьянина, томительным чувством [16. С. 75].

В этом выразительном эпизоде дается единая репрезентация концептов «дом» и «семья»: и сама изба, и ее обитатели словно сливаются в единую болезненную картину безысходности. Очевидно включение в семантику дома и репрезентантов таких концептов, как «болезнь», «горе» и «смерть»: в избе нет света («бычачий пузырь» вместо стекла становится словно еще одним отражением болезненности обитателей дома) и почти нет воздуха (повторение эпитета «удушливый»). Дом, таким образом, уже не дом, а почти могила; статичность положения изможденных членов семьи крестьянина Кулька указывает на то, что они уже почти не принадлежат к миру живых.

Одновременно эту тяжелую картину можно считать и объяснением того, почему герои произведений сибирских авторов практически не описываются в домашнем кругу: нужда гонит их на заработки. А потому ядром концепта «дом» становится в сибирской литературе XIX в. не родной дом, а его «суррогат», подмена – временное пристанище, барак на прииске, съемная «квартира» и, наконец, казенный дом.

Описанием приискового поселения завершается первая глава неоконченного романа Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» (1872), в которой молодой герой едет к своему родственнику-золотопромышленнику. Неестественность, неупорядоченность при формальном сходстве с обычным человеческим жильем сразу бросается в глаза при виде этого временного пристанища десятков людей:

Широкая падь, образованная двумя скатами, в самом низу которой, вероятно, текла речка, была в беспорядке застроена домами различной величины. В центре виднелся дом золотопромышленника, одноэтажное длинное здание с крыльцом на переднем фасаде и с садом сзади. Кругом были построены квартиры для «слуг-жак», контора, казармы для рабочих, больница, двухэтажные амбары с галереями и красными дверями [12. С. 18].

Несмотря на попытку придать каждому из домов вид традиционного, ни крыльцо, ни сад не делают дом золотопромышленника помещицкой усадьбой – он остается только «одноэтажным длинным зданием». Еще меньше может считаться домом казарма для рабочих: в «Тайжанах» не описывается ее внутреннее устройство, однако упоминание об этом есть в рассказе Н.И. Наумова «Еж» (1873): «Сырость преследует рабочего и в тесных бараках, сколоченных из досок, где каждый из них спит на соломе, настланной на землю» [16. С. 107].

Интересно, что Р.А. Григоренко в статье, посвященной «Тайжанам», видит в приведенном выше описании пространства прииска «кинфернальные черты»: «...нагнетается его низинное положение, в образе стены леса подчеркивается замкнутость и ограниченность локальности, упоминанием о протекавшей здесь некогда реке акцентируется сходство места с царством мертвых» [17. С. 27.]. Получается, что и в этом произведении семантическое поле, возникающее при описании суррогатного дома, косвенно связано с концептом «смерть».

Еще более любопытно, что репрезентация концепта «дом» происходит в «Тайжанах» и на другом, метафорическом уровне: с разоренным, разграбленным домом сравнивается авторами само превращение величественной таежной природы в отвратительного вида приисковый «колодец»: «Впечатление, производимое им, похоже [на то], как будто вошел в комнату, из которой только что вышли разбойники: шкатулка разбита, бумаги разбросаны, монета похищена, мебель переставлена, и сам хозяин сброшен с своего ложа и откинут в сторону, а пуховик положительно перерыт» [12. С. 28].

К приисковому барaku как вынужденной замене родному дому примыкает другой его эквивалент – постоянный двор. Согласно словарям этот тип жилья был призван дать временное пристанище человеку, находящемуся в пути: «помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей» [18]. Однако в сибирских реалиях постоянный двор нередко был местом гораздо более длительного проживания и выполнял совершенно специфические цели – об этом подробно повествует Н.И. Наумов в очерке «Паутина» (1880). Действие в нем происходит в сибирском селе, благосостояние которого выросло благодаря основанному рядом прииску: осенью, когда завершается сезон, рабочие получают заработок за полгода и попадают в «сети» предприимчивых местных крестьян и купцов, прилагавших все усилия, чтобы постояльцы задержались у них как можно дольше. Наумов статистически точно указывает, что лишь «четвертая часть» рабочих, «отдохнув день, два, идет далее, домой; большинство же, пропив весь свой заработок, живет в селе до приезда лиц, уполномоченных золотопромышленниками для найма рабочих на прииски» [16. С. 269], рассчитывается с долгами за постой – и вновь отправляется «на эту золотую каторгу» [16. С. 189].

Во второй части «Паутины» дается описание одной из таких постоянных «квартир», в которой живут рабочие на отдыхе:

В тесной избе, вдоль тесовых стен которой шли широкие лавки, в переднем углу, около стола, сидело человек пять рабочих, по-видимому, только что кончивших обед. На столе, накрытом грубою синею скатертью, стоял деревянный засаленный лоток с остатками мелко искрошенного мяса, и валялись куски хлеба и крошки. Пожилая женщина, одетая в светлое ситцевое платье, в тёмной шёлковой косынке на голове, хлопотливо собирала со стола деревянные ложки и тарелки, сгребала в большую сельницу, наполненную засохшими кусками и корками хлеба, оставшиеся на столе хлебные крошки и, сняв со стола скатерть, отряхнула её и повесила у притолоки печи для просушки. Несмотря на то, что окна в избе, выходявшие в огород, обнесённый плетнём, были раскрыты настежь, в избе было нестерпимо душно от жары натопленной печи. Стены и потолок были густо усеяны мухами, рой которых с жужжанием носился по избе, облепляя висевшую в переднем углу икону и лубочные портреты генералов, которыми были увешаны стены. Разобрать черты этих почтенных воинов было очень трудно — до того они были засижены мухами... [16. С. 255–256].

Легко заметить, что при внешней нейтральности этого описания и даже признаках благополучия (ситуация трапезы, упоминание хлеба и мяса) в нем встречаются те же атрибутивные черты концепта «дом», что были характерны для картины нищего крестьянского быта в «Юровой». Это, прежде всего, «нестерпимая духота»: в этой «квартире» также почти нет воздуха, несмотря на распахнутые окна. Обращает на себя внимание и статичность, неподвижность людей – основных участников сцены; активна здесь только хозяйка, но и ее действия направлены как будто на очищение не только стола, но и дома от его обитателей. Последующее повествование подтверждает правильность этой догадки: хозяин заметил, что «приставшие к нему на квартиру рабочие... давно прожились» [16. С. 256], и ищет способа избавиться от их присутствия. Стаи мух, облепивших помещение и роящихся в воздухе, вкупе с неэстетичным описанием засаленной посуды и остатков еды, еще более усиливают неприятную атмосферу этой сцены, окончательно указывая на то, что сходство с домашней обстановкой лишь видимость. Этот мнимый «дом» также враждебен к своим временным жильцам, не способным и дальше поддерживать «суррогатный» домашний уют.

Еще одним вариантом места проживания героев сибирской прозы становится казенный дом. Это понятие иногда возникает и как метафора тюрьмы, однако в большинстве случаев здесь представлен казенный дом в его основном значении: «дом, содержащийся за казенный счет», или «дом, относящийся к системе государственного попечительства» [19]. Такая «особая изба, давно предназначенная для поселенцев» [12. С. 234], упоминается, например, в цикле очерков Н.М. Ядринцева «На чужой стороне» (1885), хотя подробного ее описания автор не дает. А в рассказе «Блудный сын» (1878) Г.Н. Потанин мастерски изображает и буквальное превращение родного дома в казенный: герой, возвратившийся сорок лет спустя в свою деревню, с восторгом вспоминает «прелестный райский мир» детства, а на месте обнаруживает самую мрачную перемену:

Боже мой, каким он показался мне низеньким сравнительно с тем, чем казался прежде. Какие маленькие окна! Дом точно врос в землю. Я вошел в него в намерении попросить нынешнего владельца его позволить мне посмотреть те комнаты, где я провёл своё детство <...>. Вид прихожей показался мне очень странным: тёмное отверстие печи было наполнено обрезками от казенных бумаг, которые, точно ленточные глисты, сплетались между собою и свешивались вниз множеством концов; в углу стоял ночной горшок и половая щетка, упирившаяся на заметенный к стенке ворох сора; у окна сидел сторож, погрузившийся в наблюдения над мухами на оконных стеклах. Воздух в прихожей стоял душливый, свойственный задним ходам. Из двери несло свежей известкой и самым вонючим табаком. Могу я видеть хозяина? – спросил я. – Здесь дом казенный, отвечал сторож. Я увидел вывеску и прочел на ней надпись: какое-то правление. Я был глубоко огорчен: <...> наша мирная детская, где мы видели столько золотых снов и поцелуев нашей няни, обращена была в тюрьму для бродяг, и в вишневой роще раздавались не детские голоса, а голоса сторожей, нарезающих розги для заключенных [20].

Очевидно, что семантическое поле концепта «дом» состоит у Г.Н. Потанина почти из тех же элементов, что и в рассказах Н.И. Наумова: актуализируются такие смыслы, как теснота («низенький», «врос в землю»); темнота, отсутствие света («маленькие окна», «мухи на оконных стеклах», «темное отверстие печи»); духота, отвратительный запах («душливый» воздух, несло «самым вонючим табаком»). Неэстетичность описания у Г.Н. Потанина доведена до максимума: помимо мух, он упоминает «ночной горшок», а также вводит натуралистическое сравнение «обрезков от казенных бумаг» с «ленточными глистами» (и тем самым также актуализирует концепт «болезнь» в характеристике этого неестественного, ненормального дома). Отметим, что нейтральное «правление» в итоге оказывается-таки «тюрьмой для бродяг» [20], снова выводя на первый план переносное значение выражения «казенный дом».

При всем богатстве вариантов «суррогатного» жилья, подменяющего образ традиционного дома в сибирской литературе, нужно признать, что гораздо более частотной является ситуация отсутствия дома как такового или образ покинутого человеком дома. Бездомность становится главной характеристикой героя-художника в рассказе И.В. Оммулевского с говорящим названием «Без крова, хлеба и красок» (1883). В его же неоконченных «Рассказах в осенние вечера» (1883) у главного героя, «молодого, бездомного парня», «не было... ни кола, ни двора; осталась ему, правда, от родителей ветхая избенка, да и та сгорела» [21]. А в «Паутине» Н.И. Наумова встречается яркая метафора брошенной хозяином избы, которая «стоит с заколоченными наглухо окнами, накренившись набок, точно с тоски о своём владельце» [16. С. 290]. Этот образ свидетельствует еще об одной подмене понятий: одиночество, неприютность, тоска оказываются чертами, свойственными именно дому, а не человеку, давно свыкшемуся со своей бездомностью. «Ты што это в меланхолию-то вдарился, гляди, о доме заскучал!.. да нешто про нашего брата домов нет, а-а? коли об отдыхе взгрустнётся?», –

громко заявляет свою «философию жизни» герой «Паутины» «ссылнопо-селенец» Изот [16. С. 295–296].

Похожим образом репрезентируется и смежный с «домом» концепт «семья»: герои здесь крайне редко изображаются в кругу родных. Их удел – одиночество, сиротство или включенность в иной круг человеческих связей – как, например, ссыльный по пути на поселение «находил... свой мир, свое утешение взамен всех других привязанностей в жизни» [12. С. 232]. Иногда происходит и интеграция семьи с общиной: например, жены рабочих устраиваются на прииск вместе с ними. Исход такой попытки сохранить семью печален: Н.И. Наумов указывает, что «они впадают в самый крайний разврат, пропивая вместе с мужьями иногда весьма крупные средства, приобретаемые подобным путем, и чаще всего кончают свою жизнь самым трагическим образом от рук своих же бесчисленных поклонников» [16. С. 289].

Если же в произведении описывается вполне традиционная семья, то она, как и дом, существует в неестественном, неправильном виде и не приносит счастья героям. Такова, например, судьба маленькой няни-калмычки в одноименном рассказе Н.М. Ядринцева (1897): будучи продана родной семьей «за мешочек муки» [22], она живет в доме рассказчика на положении служанки. Несмотря на дружбу с «баричем» и способность к грамоте, ей не позволяют учиться вместе с ним, а впоследствии насильно выдают замуж за старого кучера-пьяницу. Рассказ завершается известием о самоубийстве героини, не выдержавшей побоев вечно пьяного мужа.

Еще более трагический вариант семьи представлен в рассказе М.В. Загоскина «Яблоня и яблочко» (1890): ссыльный латыш из каторжных нанимается в работники к вдове, а затем женится на ней. Но очень скоро становится ясно, что единственной ценностью для Бухора Дыркина, как прозвали «шведа» в сибирской деревне, является достаток и крепкое хозяйство: жена его становится «робкой и какой-то забитой» [23], дети от первого брака фактически изгнаны из дома и впоследствии гибнут – один на войне, а другой на золотых приисках. Старший сын героя Андрей вырастает точной копией отца, а младший оказывается плохим работником: «старший брат обращался с ним, как с чужим, и презирал его» [23]. Последующие события показывают полный распад семьи: после смерти Дыркина-старшего Андрей отсылает мать и лишь «дает отсыпное»; младший брат его спивается, а его жена живет в доме «как совершенно чужая и ненавистная квартирантка» [23], пока ее не выживают вместе с дочерьми. Запивает и жена Андрея, не выдержав «мужниного гнета»: тот в ответ «бил свою бабу не на живот, а на смерть, ссылал на жительство в черную избу... Ничто не помогало... Баба дошла до последних ступеней падения и после пяти-шести лет безобразной жизни замерзла под забором» [23].

Есть, впрочем, среди произведений сибирских авторов и комический вариант «семьи поневоле»: в авантюрно-романтической повести С.И. Черепанова «Сибирячка» (1855) описывается, как молодой офицер Дутиков едет в приграничную Кяхту в надежде жениться на «богачке» [24]. Там он принимается ухаживать за купеческой дочкой Марфинькой, однако сомнения в

достойном приданом заставляют его отступить. Не отступает, однако, ловкая Марфинька: она сама инициирует помолвку, а затем пускается вслед за незадачливым женихом, решившим сбежать от нее в Петербург, и после долгих комических приключений в пути и в самой столице берет верх и становится-таки женой героя.

Из приведенных примеров видно существенное пересечение смысловых полей концептов «дом/семья» и «воля/неволя». Воля в произведениях сибирских авторов становится антитезой дому, а семья нередко оказывается синонимом неволи. Так, в «народной комедии из сибирской жизни» [25. С. 1] В.М. Михеева «По хорошей веревочке» (1889) Егор Клоков, молодой герой из богатой купеческой семьи, неоднократно заявляет, что не чувствует свободы в родном доме: «Точно заперли меня в клетку железную, да еще дразнить приходят...» [25. С. 65]. Влияние «народной драмы» А.Н. Островского на пьесу Михеева очевидно: конфликт точно так же строится на противостоянии старшего поколения с их патриархальными ценностями, а главное – верой во всемогущество капитала, и молодых людей с горячим сердцем и стремлением жить своим умом. Характерен диалог Егора с матерью:

ЕГОР. Коли дело идет о моей судьбе, я уважаю только свою волю. <...>

ПЕЛАГЕЯ. Ой, выкинь из головы, Егорушка, выкинь... Коли бедную возьмешь, батюшка весь капитал на монастырь отдаст... <...> А ты знаешь, какой у него капитал?

ЕГОР. Не нужен мне его капитал.

ПЕЛАГЕЯ. Не нужен! Ой, не отказывайся! В жизни всякое бывает. За капиталом, как за каменной стеной.

ЕГОР. Да, как в тюрьме – ни воздуха свежего, ни свету Божьего.

ПЕЛАГЕЯ. Это за капиталом-то! Да не уж голый, да не покрытый ты свет-то Божий увидишь?

ЕГОР. Напоить, накормить, одеть, обувь себя сумею. Голова у меня на плечах, да и руки молодые... Зато вольно вздохнешь.

ПЕЛАГЕЯ. А теперь ты не вольно дышишь? Тесним мы тебя? <...> Да что мы изверги с дедом, с отцом твоим что ли?

ЕГОР. Не изверги вы. Ну и оставьте меня в покое, на полной своей воле. Не дурак я, лба не расшибу.

ПЕЛАГЕЯ. А коль расшибешь, сынок? Ты думаешь, не понимаю я, не вижу... Ты не дурак, да ровно отуманенный. Не видишь ты теперича – стена перед тобой, али вольный воздух [25. С. 58–61].

Противостояние разных систем ценностей в этом диалоге передается с помощью двоякого понимания метафоры «каменная стена». Если для матери героя она воплощает надежность и уверенность в завтрашнем дне, которую обеспечивает капитал, то у Егора вызывает ассоциации с тюрьмой, клеткой, каторгой. Последнее значение он прямо проговаривает в финальной сцене, когда бросает в глаза деду Ануфрию Маторину обвинение в том, что его репутация наследника богатого рода не вызывает доверия у людей: «Маторинский внук, да Маторинский внук. Точно каторжник клейменный я стал с этой кличкой» [25. С. 110–111].

Обращает на себя внимание и образная характеристика героем своего положения в родной семье, «за капиталом»: «как в тюрьме – ни воздуха свежего, ни свету Божьего» [25. С. 60]. Она отчетливо перекликается с описаниями дома у Н.И. Наумова и Г.Н. Потанина: жизнь Егора в семье также метафорически репрезентируется через отсутствие света и воздуха. Стремление героя «вольно дышать» связано с желанием уйти из семьи, но далее в интерпретации концепта «воля» возникает важный нюанс. Если обратиться к словарям, получается, что герой жаждет не воли в значении «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода», а хочет жить своей волей, т.е. иметь «власть, право распоряжаться по своему усмотрению», поступать «по собственному желанию, без принуждения, добровольно» [26]. В отличие от многих героев сибирских писателей Егор хочет не бежать из дома, а жить «отдельно, своим хозяйством» [25. С. 122], т.е. создать свой собственный настоящий дом, истинную семью, основанную не на капитале, а на любви. Финал комедии Михеева оптимистичен, хотя и не слишком правдоподобен: Маторин прощает внука за женитьбу на бедной избраннице против воли родных и даже проявляет неожиданное понимание молодого поколения, заявляя: «Снимаю я с тебя клеймо Маторинское. Живи без клейма» [25. С. 116].

Однако воля, к которой стремится молодой герой Михеева, – редкий позитивный пример в общем корпусе сибирских текстов. Для большинства же героев воля оказывается столь же неестественным и бедственным состоянием, как и пребывание в «суррогатном» доме: волю воплощает бездомная, бродяжническая жизнь. Уже упомянутый Изот, герой «Паутины» Н.И. Наумова, в своем «панегирике» вольной жизни приисковского рабочего провозглашает: «Да нешто мы с тобой пригодные к хозяйству люди?.. Нешто перелетная птица усидит тебе на одном месте, а?.. Ни в жисть!.. <...> Да возьми ты меня, неуж я променяю энту жизнь на хозяйство?.. да убей меня Господи! Уж одно тебе, вольный казак: ходи себе по белому свету да выглядывай, где на какой манер народ мыкается» [16. С. 296].

Уже в этой речи героя чувствуется поэтизация вольной жизни: выражения «перелетная птица», «вольный казак» отсылают к традиционно высокой ценности воли в русском национальном сознании. Н.М. Катаева указывает, что «концепт ВОЛЯ, отражающий представления русских о личностном и географическом просторе и совершенной, ничем не ограниченной внутренней свободе как внутриличностной константе, особенно ярко характеризует специфику русского менталитета» [7. Т. 1. С. 57].

Романтизация воли проявляется и в очерке Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»: глава VI, в которой ссыльнопоселенцы бегут из сибирской деревни обратно «в Расею», так и озаглавлена – «Побег и бродяжеская поэзия». Воплощением этой поэзии становится образ Улиньки, «молодой девушки, сильной, мужественной и закаленной в бродяжничестве» [12. С. 255]. Сцена ее пения у ночного костра, на котором ссыльные жарят мясо украденной коровы, становится апогеем повествования о приключениях ссыльных в Сибири. Автор останавливается и на многогранности характера

героини: «...в этом голосе, звонком и насмешливом, отражался весь характер певицы, то страстный, увлекающийся, то гордый, насмешливый и независимый, могущий довести до бешенства своим коварством и надменностью» [12. С. 256]; и подробно описывает содержание «бродяжеской» песни, которую по просьбе товарищей поет Улинька:

Ох! Вы бродяги, вы бродяги,
Вы, бродяженьки мои!
Что и полно ль вам, бродяги.
Полно горе горевать! [12. С. 256].

Поэзия воли раскрывается и в «опьяняющем» воздействии этой ночи у костра на бродяг, особенно недавно примкнувших к группе. Концепт «воля» здесь явственно смыкается со смысловым полем концептов «счастье/горе», причем Ядринцев подчеркивает, что это мимолетное воодушевление бродяг особенно остро ощущается ими на фоне обычных тягот их жизни: «...бродяжеское веселье было беззаветное, широкое веселье, не думающее о завтрашнем дне, как будто бы это был последний разгул на вольной жизни, потому что никто не мог ручаться за то, что завтрашний день его встретит не в тюрьме» [12. С. 257].

Воля, таким образом, становится лишь временным выходом из «кабалы», которой представляется вся жизнь в Сибири. Эту глобальность неволи подчеркивает и Д.А. Поникаровский в очерке «Крестьяне-золотопромышленники» (1882), где описывается жизнь «тайных золотоискателей», т.е. тех, кто нелегально пытался осваивать «золотоносные ямы» в предгорьях Алтая. Преследуемые властями, регулярно попадающие в острог, крестьяне все равно тайком отправляются в «черневые леса» за золотом, сбиваясь в небольшие артели. Причина тому, как поясняет автор, вовсе не жажда наживы, а стремление к вольной жизни. Короткое пояснение, которое дает Д.А. Поникаровский в конце второй главы очерка, определяет пафос всего повествования – и лишний раз подчеркивает безусловную симпатию автора к своим героям-авантюристам:

Тяжело живется крестьянину, душно на руднике, пекло у раскаленной печи на заводе, а кругом приволье и ширь, и благодать. Здесь ли не проявиться силе, здесь ли не разгуляться. И, понятно, влечет и тянет в эти леса. Не одна жажда корысти обольщает народ, а приволье жизни, приволье промысла.

Какая славная, привольная эта жизнь в лесах, видно на промышленниках и пасечниках сибирских, какой дух отваги, какую крепкую расу она воспитывает. В этом авантюризме доселе еще ищет выхода и удали непригнетенный к сохе дух народный [14. С. 145].

Говоря о концепте «неволя», нельзя не обратиться и к «Тайжанам» Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, где при описании таежного прииска происходит, как указывает Р.А. Григоренко, «конструирование образно-топографической связки тайга – тюрьма» [17. С. 28]. Оно, по словам исследова-

теля, «достигается способом, который можно назвать кумулятивным: Потанин и Ядринцев добавляют в разных местах то одну, то другую черту тюремного быта» [17. С. 28]. А в шестую главу неоконченного романа включена настоящая «ода» тайге (и Сибири в целом), наполненная горькими сожалениями о том, что этот «храм свободы» превращен в острог:

Глухая, торжественно-уединенная тайга производила сосредотачивающее на путников действие, точно храм. Чувства человеческой гордости присмирели перед ее величием. И действительно это был храм богу свободы и жизни, куда бежали вольные люди, соболевщики от кривых судов, правежей, податей и скитники, унося с собой св. Паисиев. Но этот храм свободы мы обратили в тюрьму, в храм богу мести. Твои еловые вершины торчат, как острожные пали! Твой рябющий в глазах переплет ветвей напоминает тюремные решетки. Под твоим сводом, тайга, не раздастся хвала Творцу, создавшему мир свободным и вольным, а слышны только проклятия каменщика, прикованного к тачке [12. С. 61].

Последний образ приведенного отрывка, как и многие другие примеры, демонстрирует, что семантика неволи активно включается и в смысловое поле концепта «труд/работа». Не случайно и крестьянский труд, и работа на приисках одинаково маркируются эпитетом «каторжный труд» (другие частотные определения – тяжелый, невероятный, непосильный). А организация работ на приисках, с репортерской точностью описанная Н.И. Наумовым в очерке «Еж», справедливо характеризуется им как «закабаление рабочего» [16. С. 106].

Концепт «труд/работа» менее проявлен в сибирской прозе XIX в. по сравнению с понятиями «дом» и «воля». При этом ядро концепта однозначно составляет негативная оценка труда – вероятно, причиной вновь является доминирование тематики, связанной с жизнью ссыльных и рабочих на золотодобыче. Труд описывается как состояние вечной неволи, не дающей передышки. «Ведь он там робит-то, сударь, передыху не знает: еще солнышко не взойдет, а его уж на работу гонят, да с последней зорькой спустят с неё. Тепло ли, холодно ли, здоров ли, немощен ли, его не спросят, знай одно – робь, подчас по колено в воде», – с мнимой жалостью объясняет горькое положение рабочих на приисках расчетливый делец Кузьма Терентьич в «Паутине» Н.И. Наумова [16. С. 179]. Труд не приносит удовлетворения, в том числе и материального: «...Работа-то на поле тяжкая, а прибыли большой... не видишь», – говорит один из героев «Сибирской Калифорнии» Д.А. Поникаровского [14. С. 158].

Обесценивается даже сам образ честного труженика: это наглядно показывает уже упомянутый рассказ «Яблоня и яблочко» М.В. Загоскина. Казалось бы, латыш Будхарт Дирен должен стать образцом для подражания: «...работником он оказался хорошим: знал крестьянское дело и все делал даже без приказа хозяйки. В деревне ни с кем не знакомился, вина вовсе не пил, дома постоянно молчал и всегда что-нибудь делал – то прибирал во дворе, то починивал сбрую и мелкие вещи в избе» [23]. Своим упорством герой опровергает расхожее убеждение в том, что «честным трудом много

не возьмешь» [14. С. 137] (Д.А. Поникаровский): через пять лет у Дирена-Дыркина уже было большое хозяйство и он давал деньги в долг: «...все спорилось у трезвого, трудолюбивого и скупого на пустые издержки Шведа» [23]. Столь же работающим и целеустремленным герой вырастил и старшего сына. Но итог оказался печален: Дыркин сошел с ума и покончил с собой, узнав о краже накопленных денег; его сын Андрей доживает жизнь в одиночестве, ненавидимый родными и односельчанами. Загоскин показывает, что трудолюбие не может стать ценностью без человечности, труд не может быть самоцелью – но тем самым косвенно указывает и на отношение к труду как таковому. «Конечно, тяжело, и работать у него придется без отдышки, но, видно, уж такая наша доля: ничего не поделаешь!» – мнение крестьян о Дыркине-старшем [23]. А уж сына героя, ставшего первым богачом в округе, открыто именуют «скаредом», «идолом» и «зверем» – впрочем, здесь на семантику концепта «труд» оказывает влияние еще и однозначно негативное смысловое поле концепта «деньги/нажива».

На периферии концепта «труд/работа» в сибирской прозе можно обнаружить еще два варианта его репрезентации. Один из них связан с описанием жизни ссыльных: это отсутствие работы в Сибири, которого всерьез опасаются герои очерка Н.М. Ядринцева «На чужой стороне» по пути на поселение: «А есть ли там какие-нибудь занятия-то? Можно ли работать где-нибудь?..» [12. С. 209]. Впоследствии выясняется, что работы действительно нет – по крайней мере той, к которой привыкли ссыльнопоселенцы из Петербурга. Ядринцев с иронией передает раздумья бывшего маркера¹: «Теперь бы можно было очень вольготно в какой-нибудь гостинице пристроиться, потому как здесь, я полагаю, настоящих маркеров нет» [12. С. 223]. Но попав в деревню, герои вынуждены искать более реалистичные варианты. Их предлагает «опытный поселенец», указывающий, что выходцам из столицы уместно пойти «по фельдшерской части»: «...я тоже этим делом занимался по бродяжеству. Наболтаешь чего-нибудь в бутылку – и давай мужику, он верит» [12. С. 225]. Этот трагикомический эпизод демонстрирует еще один вариант профанации, обесценивания работы, которая не приносит иного результата, кроме наживы, и грозит тюрьмой.

Другим локальным репрезентантом концепта становится «честная работа», о которой мечтает героиня очерка И.В. Омулевского «В мировой камере» (1883). Писатель показывает в нем распространенный вариант женской судьбы, когда участью дочери бедного чиновника, оставшейся сиротой, было «или умереть с голоду, или пойти по известной дороге» [27]. Оказавшись в «полном довольстве» на содержании у «богатого молодого барина», героиня тем не менее испытывает «горячую жажду честной работы, какой не раз томилась она в это ужасное время, проводя целые ночи без сна за мысленным изысканием этой работы» [27]. Исход этих мечтаний оказы-

¹ Маркер – работник, обслуживающий игру на бильярде.

вается совершенно романтическим: молодая женщина сбегает от своего кровителя к бедному портному, живущему напротив, и на собственные средства покупает ему швейную машинку: «...и вот закипел на убогом чердаке, хотя, как и прежде, не прибыльный, но зато свободный и, стало быть, отрадный труд, заедаемый подчас тем же черствым куском хлеба, но свобода и любовь даже и его делали как-то мягче» [27]. Труд и воля оказываются здесь близкими понятиями, но ненадолго: от романтической идиллии Омулевский стремительно возвращается к реалистическому методу, и влюбленных настигает горькая нужда, за которой следует попытка утопить горе в вине и смерть портного. Писатель, впрочем, подчеркивает, что, несмотря на страшную бедность, героиня так и не свернула с честного пути, хотя «стала пить и пьет теперь сильно, но никогда уже, вероятно, не продаст себя, даже и из-за куска хлеба» [27].

Концепт «деньги/нажива», непосредственно примыкающий к семантическому полю «труд», трактуется в сибирской прозе достаточно традиционно для общенациональной литературы. Ю.С. Степанов указывает, что в ««нестяжательном» отношении к деньгам – одна из самых отчетливых духовных границ русской культуры» [6. С. 580]. У сибирских писателей также получает позитивную оценку именно щедрый и великодушный герой, не заботящийся о деньгах. Таков, например, молодой ямщик Андроха из очерка И.В. Омулевского «Рассказы в осенние вечера»: «...всякому готов он был услужить, со всяким готов был поделиться последней копейкой <...>. Поэтому у самого парня редко водился грош за душой, хоть он и не бражничал и даже совсем не пил водки, как другие ямщики» [21].

Совершенно однозначна и авторская оценка ситуации, описанной в очерке «Паутина»: Н.И. Наумов не осуждает рабочих, спускающих весь заработок в кабаках, лавках и других увеселительных заведениях на выходе из прииска, а сочувствует им, пытаясь объяснить читателю, как нищета и несправедливость довели их до такой жизни. Более того, писатель акцентирует внимание на проявлениях того самого нестяжательства, готовности помочь ближнему: так рабочие собирают деньги для своего больного товарища Афанасия, который прожил весь свой небольшой заработок и не может добраться до дома. Наумов упоминает и еще несколько характерных историй, бытующих среди «таежников»: как один рабочий «выручил из беды какого-нибудь нищего крестьянина, отдав ему на домообзаводство весь свой заработок», а другие, «пропив до последней копейки свой собственный заработок, питаясь милостыней, свято сохраняли зашитыми где-нибудь в вороте рубахи... сотню рублей, врученную им на хранение товарищами, и, придя домой, отдавали эти деньги их женам, отцам и матерям» [16. С. 194].

Напротив, осуждению подвергаются в «Паутине» хитрые дельцы, которые пользуются положением рабочих и нещадно обирают их. К их числу принадлежит почти все село, о чем прямо заявляет один из собеседников рассказчика: «Иной бы, может, и по совести жил, да видит, чего кругом и около деется, – люди не сеют, не жнут, а в избытке живут, и он, глядя на

других, распояшет руки, а совесть-то за пояс заткнёт, да и примется, благословясь, за это же рукомесло, благо оно прибыльно!» [16. С. 188]. Впрочем, Наумов рисует и собирательный образ таких предприимчивых мужиков – это Кузьма Терентьич, один из многочисленных «мироедов» в творчестве писателя. Все они одинаково не испытывают жалости к простому человеку и признают личное обогащение единственной ценностью. Таков, например, Прохор Игнатич по прозвищу Петля из рассказа «Деревенский торгаш» (1872) – человек с «пухлую белою физиономией» и «узенькими заплывшими глазами» [16. С. 28], в которых вечно светится «грошное лукавство» [16. С. 29]. Собирая долги с крестьян, он откровенно любит собственным достатком и ловкостью, приговаривая: «Денежка – што корова, уход любит; раз не подой её вовремя, да другой, да в третий, так и с молоком простись» [16. С. 38]. Таков и Петр Матвеич из «Юровой», за копейки скупающий у селян рыбу и бывший виновником разорения многих хозяйств. Таков и чиновник из народа – волостной заседатель Николай Семенович из рассказа «Мирской учет» (1873), о котором крестьяне откровенно говорят: «Первоначалу-то, помнится, и-и-и с какой оглядкой он к казенным-то бумажкам касался, а опосля так пообвык, что инде карманы перемешал: где бы надо в казенный опустить, а он все в свой да в свой!» [16. С. 135–136].

Яркие образцы стяжателей есть и у других авторов: именно поэтому концепт «деньги» был в процессе анализа дополнен понятием «нажива»: это наиболее точная характеристика осуждаемого писателями отношения к деньгам. В «Тайжанах», например, изображен управляющий прииском по прозвищу Вересовы Глаза, «хитрый и бесчувственный человек – нажиться во сто бы то ни стало был единственный его инстинкт» [12. С. 29]. Д.А. Поникаровский в «Крестьянах-золотопромышленниках» схожим образом описывает жизненную «философию» купца Ивана Иваныча, получившего капитал благодаря женитьбе на вдове своего хозяина-торговца: «Все его задачи и стремления сводились к одному: копить, копить и копить, какими бы путями ни было» [14. С. 147]. В тот же ряд входит страстный искатель золотоносных жил в Сибири Федор Николаевич Шакалов из очерка С.И. Черепанова «Неотысканное богатство» (1857): он «был человек такого сорта, что у него лицо, голова и сердце, вместе взятые, ни на что больше не смотрели, ни о чем больше не думали, ничего больше не чувствовали, как только – во что бы то ни стало разбогатеть» [28]. Той же страстью одержим и Дыркин-младший из «Яблони и яблочка» М.В. Загоскина: «...казалось, самый процесс собирания и скапливания денег составлял единственный интерес его жизни» [23].

Смысловое поле концепта «жизнь/смерть», актуализированное при реализации таких образов, включает, конечно, и другие варианты рефлексии героев о целях и назначении жизни. Особенно часто они встречаются в прозе Н.И. Наумова. Так, Данила Карпов по прозвищу Еж, герой одноименного рассказа, видел «цель жизни в борьбе» и повсюду протестовал «против произвола и насилия» [16. С. 110]. Разные жизненные установки демонстри-

ругают герои «Паутины», а кроме того, они с охотой рассуждают о них. Волостной голова Флегонт Дмитрич, осуждая стремящихся к наживе односельчан, описывает «крестьянский облик, какой Богом-то заповедано мужику носить» [16. С. 186], следующим образом: «Жить по чести, в радении друг о друге, добывать себе хлеб в поте лица» [16. С. 187]. В то же время Кузьма Терентьич, наживающийся на рабочих, не смущаясь, рассуждает о чести и честности: «Жить во всём надо по чести. Сам ты будешь честно жить, и к тебе будет доверие» [16. С. 278]. А «князь» приисковых рабочих, заносчивый щеголь Васька Дергач, провозглашает, что жизнь создана для сиюминутных радостей: «Живу – не тужу, чего пропью – вновь заслужу. Жизнь у меня одна!» [16. С. 217].

Осмысление целей собственной жизни характерно и для художественной прозы областников – прежде всего, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Это было обусловлено тем, что, по словам К.В. Анисимова, «важнейшей составляющей патриотического мироощущения областников стало культивируемое ими обязательное возвращение молодого сибиряка на “родину”, пребывание в ее границах и служение ее “интересам”» [9. С. 174]. Для немногочисленных рассказов и очерков Потанина характерна рефлексия по поводу конкретики этого служения. В рассказе «Из переписки молодых друзей» (1886) он противопоставляет жизнь рассуждениям о жизни, а живые формы – мертвой теории:

Мы забывали одну вещь во время нашей «подготовки к жизни», и чуть ли не самое важное. Мы забывали, что нас встретит жизнь вполне сложившаяся, в известных формах, с её унаследованными от старины порядками, скреплённая обычаями, в ней всё сплочено, приноровлено к известному ходу, сложилась она без нашего участия. В этой жизни всё по-своему целесообразно и уместно. <...>

...Прими к сведению, что я живу, а не философствую, как вы; не задаюсь кабинетной тенденцией, не ищу журавля в небе, а смотрю на жизнь, открыв глаза, как она есть, живу и чувствую. Разница огромная! <...> Ведь чего проще и прозаичнее коровы, но ведь и корову мы видели более на картинках, а вот она живая стоит и жуёт свою жвачку да хвостом помахивает. Я полагаю, братец, что и корова в жизни совсем иной покажется. Поэтому к черту абстракцию! Пойдем лучше искать жизни [20].

«Всматривание» в порядки этой сложившейся жизни приводит, однако, сибирских писателей, к неутешительным выводам. Не случайно едва ли не главным репрезентантом концепта «жизнь» в произведениях сибирских писателей становится понятие «скука». А.К. Ордынский, публиковавшийся под псевдонимом Язон Аргонавтов, в «сибирской легенде» «Привидение на заимке» именно так описывает существование «молодой, страстной, забытой мужем» [29] героини: «Жизнь ее была довольно скучная, но она по-видимому не отчаивалась» [29]. Впрочем, подчеркивает автор, таков удел всего описываемого местечка: «...жизнь и судьба многих в нашем городе походят на судьбу улиток водных» [29] – свою метафору Ордынский сопровождает цитатой из стихотворения Аполлона Григорьева со строками «На мутном дне печально прозябая...».

Гораздо более масштабно показывает «леность», мелочность и малозаметность жизни в Сибири С.И. Черепанов в начале повести «Сибирячка». Он делает это через дорожный хронотоп, отправляя своего героя в путешествие из Петербурга в Забайкалье. Благодаря этому писатель акцентирует не столько необъятность сибирских пространств, столько остановку времени и всякого движения, которое ощущает Дутиков, переехав Урал:

Пока Дутиков ехал по России, он был доволен своею поездкою, потому что зрелище беспрестанной деятельности, этого утешительного кипения жизни, очень приятно по своему разнообразию, но когда он въехал в Сибирь, где жизнь, так сказать, слишком растянута по чрезвычайному пространству, чтобы быть заметною, где он ехал целый месяц только от станций до станций, созерцая, лишь неподвижность мрачных гор, ленивое существование немногих обитателей Сибири, ленивое движение стад, а больше всего пустое пространство, показались ему очень тяжелыми. <...> Города и села Сибири, стоящие на отдаленнейшем один от другого расстоянии, с их тишиною и пустотою, особенно в благословенные часы послеобеденного отдыха, когда все, от мала до велика, спят наудалую, казались ему гробницами гигантских размеров. Нельзя сказать, чтобы в Сибири не было деятельности, той же самой, какая есть и в России, но она незаметна в пространстве, так как миллионы звезд не освещают ночи, мрак которой исчезает при появлении одного солнца [24].

«Пустота» сибирского пространства становится словно аналогией пустоты жизни людей, а их вседневный послеобеденный сон напоминает смерть. Образ «городов-гробниц» указывает на амбивалентность семантики концепта «жизнь/смерть». Те же метафоры жизни-сна, жизни-смерти становятся ведущими в рассказе И.В. Омулевского «Сутки на станции» (1862), где описывается хроника одного дня жителей «крошечного села» Крутые Лога. С почти чеховской иронией автор описывает их незамысловатые дела, из которых большую часть занимают еда, выпивка, походы в гости друг к другу, пустые разговоры и сон. Всеобщим сном и завершается рассказ – но после бессодержательного дня он зловеще наполнен мортальными сравнениями: «все живое на Крутологовской станции спит как убитое», «может спать мертвецки» [30]. В финале же метафора сна-смерти приобретает совершенно жуткий характер – его усиливает тоскливый вой собаки, предвестник реальной, а не образной смерти:

И весь этот поголовный мертвецкий сон весьма близко напоминает здесь собою другой, более ужасный сон – сон преждевременной смерти заживо похороненных. Тишина царствует невообразимая. Чутко и долго прислушивается к этой тишине [пес] “ему же несть названия” – инда одурь берет его от скуки; но, не уловив ни единого звука, к которому можно было бы придаться по-собачьи, тоскливо поднимает кверху мохнатую морду и воеет, да так протяжно, томительно воеет, что не спящая в эту минуту попадья, услышав такой пронизывающий душу вой, крестясь, садится на постели и, вспоминая о каком-нибудь давным-давно умершем родственнике, невольно проговаривает вслух:

«Господи Иисусе Христе! К какому же это опять, мои матушки, покойнику-то развылась!» [30].

Надо заметить, что концепт «смерть» практически не проявляется в сибирской прозе отдельно от смыслового поля концепта «жизнь», исключение составляет разве что довольно частотная в общероссийской литературе репрезентация Сибири как страны смерти. Она возникает в мыслях ссыльных «из России» в очерке Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»: «...до денег ли ему теперь? Стоит ли ими дорожить, когда это последние дни его жизни! На что они ему теперь, ведь впереди – Сибирь, то есть почти смерть» [12. С. 210].

В остальных случаях смерть почти всегда неразрывна с жизнью, что отражает национальное восприятие. В «Антологии художественных концептов...» указано, что «смерть представляет собой наиболее интригующий, но наименее постижимый в силу своей природы феномен, как это ни парадоксально, жизни. Смысл жизни открывается лишь при разгадке смысла смерти. Смерть есть факт жизни, её прекращение» [8]. Примеры такой амбивалентности можно обнаружить, например, в неоконченном романе И.В. Омулевского «Новый губернатор» (1883), где один чиновник говорит другому после известия о назначении нового губернатора: «Да ведь не до шуток теперь нам с вами: ведь это, значит, умирать заживо приходится!» [31]. А в святочном рассказе Н.М. Ядринцева «Неожиданный гость на сибирских святках» (1885) соотношение жизни и смерти становится доминирующей чертой образа таинственного проезжего: «Какой он молодой, сколько в нем жизни и сколько грусти, точно он умирать собрался», – думает дочь хозяев бала [32]. Эта же тема развивается и в диалоге танцующих героев:

– Что это за кольцо у вас на руке? – сказала она.

Маска, молча, подняла руку, и молодая хозяйка увидела на кольце изображенную мертвую голову...

– Ах, как это страшно! – сказала девушка.

– Вы еще ребенок, – сказал ласково кавалер, – а смерть пугает всех детей.

Знаете, есть секрет не бояться ее...

– Какой? – спросила пугливо девушка.

– Идти ей навстречу!.. <...>

– Вальс и жизнь! – сказал он, опуская ее немного усталую, с своего плеча: – жизнь ведь тот же минутный вальс, слышите, как несутся звуки у этого старика, вот они замерли, вальс кончен [32].

Музыкальная образность заметно усиливает драматическую тональность рассказа. Когда загадочный гость, в котором угадывается сосланный декабрист, покидает зал, фокус читательского внимания сосредоточивается на звуках скрипки: «...полонез этот звучал и замирал, как последняя нота жизни» [32]. Святочный рассказ Ядринцева – один из немногих примеров романтической прозы в этот период, этим и обусловлена драматизация темы жизни и смерти, совершенно нехарактерная для писателя с его ироничным стилем.

Указание на горькую подмену жизни смертью или медленным умиранием можно увидеть и в программном заявлении одного из эпизодических героев «Паутины» Н.И. Наумова. Ямщик, везущий рассказчика в злополучное село близ прииска, говорит: «Места у нас – умирать, брат, не надо!.. По

этим местам только жить бы да жить нашему брату, а все, друг мой сердешный, мается народ-то...» [16. С. 171]. Эта мысль вводит в смысловое поле концепта еще и мотив ответственности человека за дарованную ему жизнь. Он раскрывается и при репрезентации концепта «счастье/горе» – например, в той же «Паугине» владелец лавки Иван Матвееч поучает прогулявшего все деньги рабочего, который пытается вернуть назад купленный ранее товар: «Горе!.. У меня всегда душа повернется, коли и увижу горе, какое Господь на человека, испытуя его, послал: или пожаром его сокрушил, скотинка выпала, на работе убили, а либо што... А разве ты можешь на творца многомилостивого хулу слать! Не давал тебе Господь счастья, а?.. Ты сам его втуне презирал, по кабакам расточил с блудницами, а?.. И ты можешь теперича говорить, что горе убило тебя. Срамник ты, вот что...» [16. С. 282].

Отметим, что хотя концепт «счастье/горе» также является амбивалентным, первая часть его проявлена в творчестве писателей-сибиряков весьма своеобразно. Во-первых, примеры репрезентации концепта «счастье» буквально единичны в корпусе анализируемых текстов. Во-вторых, они наиболее характерны для прозы областников и близких к ним авторов. А в-третьих, это практически всегда не реальные примеры счастливой жизни, а лишь рассуждения о ее возможности (пожалуй, единственным исключением является недолгое счастье бедных героев очерка И.В. Оммулевского «В мировой камере»). Счастье предстает как потенциал, как природный дар, не используемый людьми с их мелкими, ничтожными страстями. Так, в очерке Н.И. Наумова «Горная идиллия» (1880) еще один ямщик, везущий рассказчика в предгорья Алтая, с удивлением и некоторой насмешкой рассказывает, как один архиерей при виде поразительной красоты заснеженных гор не смог сдержать восторга: «И чудак же, слышь, был! Подозвал это меня к себе и говорит: “Понимаешь ли, говорит, ты, сколь вы счастливые люди, а!”... А што в эвтаких местах, говорит, живете, где, говорит, куды, значит, теперича ни взглянь, завсе перед тобою Бог... И долго, слышь, энто поучал; ...а опосля, слышь, того... заплакал» [16. С. 384].

Схожая идея заключена в финале очерков Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»: «...поселенческое проклятие не раз раздастся в этих пустынях, когда молодая и богатая страна, казалось, сулит столько счастья, столько довольства человеку» [12. С. 266]. Очерки создавались в одно время с «Тайжанами», и Ядринцев даже предлагал Потанину объединить сюжеты двух произведений¹. Отсюда очевидная перекличка финальной сентенции очерков с рассуждениями о Сибири как храме свободы в «Тайжанах»: соратники стремились вложить в художественную прозу основные пункты идеологии областничества.

Смысловое поле концепта «горе», напротив, наполнено в произведениях сибирских писателей вполне конкретными примерами бедствий. Концепт

¹ См. об этом: [10. С. 149].

представлен в текстах чрезвычайно разнообразными лексемами: «страдание», «нужда», «отчаяние», «слезы», «скорбь». В отличие от счастья, горе привычно для человека: Н.И. Наумов, например, показывает, что «горе» для рабочего-«таежника» почти синонимично понятию «жизнь»: «...застигнутый каким-нибудь горем, он все-таки продолжает беззаботно острить и смеяться, не потому, чтоб он неспособен был к душевной боли, причиняемой нравственными страданиями, а просто потому, что вся его бездомная, скитальческая жизнь есть одно только безвыходное горе, и никакое другое горе глубоко не поразит его; он сжился уже со всяким горем, привык к нему... и смотрит на всякое горе, как на неизменного спутника своего странствования в земной юдоли» [16. С. 193].

Горе вообще можно назвать одной из главных тематических доминант сибирской прозы. Большинство героев здесь – «горемычные». Так, бездомный художник из рассказа И.В. Омуревского «Без крова, хлеба и красок» описывается так: «...лицо это было очень выразительное; оно все казалось изрытым крупными морщинами, и в кем будто затаилась какая-то гнетущая скорбь»; «...та гнетущая скорбь, которую я еще в трактире подметил на его лице, начинала принимать теперь резкий и несимпатичный оттенок не то бессильной ненависти, не то отчаяния» [33]. В очерке Н.И. Наумова «У перевоза» (1863) также вводится локальное, народное значение слова «несчастье» – его можно интерпретировать как тюремное заключение, следствие: «Муженек у меня под несчастьем, почитай, с Покрова другой годок пойдет, как сидит» [16. С. 21].

В финале исследования отметим несколько концептов, которые не получили активной репрезентации в текстах сибирских авторов. К ним относятся, например, концепт «любовь/ненависть»: в редких случаях он раскрывается только через указание на симпатию или антипатию окружающих героя людей. «Прожженный» мошенник Петр Петрович у Д.А. Поникаровского, например, парадоксальным образом «пользовался общей любовью, несмотря на то, что всех надувал и всех готов был продать в виду своих интересов» [14. С. 153]. А уже упомянутый Дыркин-младший из рассказа М.В. Загоскина знал, что «его не любят, но не обращал на это никакого внимания. Что ему было за дело, любят его или не любят соседи?» [23].

Вопреки ожиданиям, практически незаметными оказались в сибирской прозе и проявления концепта «дорога». Вероятно, осмысление протяженности Сибири более характерно для взгляда «извне», из Центральной России. Можно предположить, что по этой причине репрезентанты концепта встречаются лишь у тех писателей, которые какое-то время провели в столице. Так, Н.М. Ядринцев в очерках о ссыльных уделяет значительное внимание и пути героев по дороге, и их остановке на границе между «Россией» и Сибирью. Путь героя на прииск по лесным просекам показан и в начале «Тайжан». В рассказах Г.Н. Потанина можно также встретить обилие понятий, связанных с переносным, метафорическим значением дороги, пути и перепутья: родные «думают, что я теперь на дороге и смело пушусь в жизнь, места мне везде готовы, деньги, так сказать, посыплются. <...> Это они так

думают, но сам я стою на распутье, и веришь ли, мучусь так, как никогда не мучился» [20]. Дорога становится и символом перемен, на которые надеялись областники: «При чем тут была наша гордость, что мы проложим “новую дорогу”, что мы что-то внесем, что мы не будем похожими на других, когда приходишь к тому, что мы только и приноровлены идти по готовой дорожке, а самостоятельных сил, таких знаний, какие бы ценились и были нужны всякому, – у нас нет?» [20].

Метафора пути встречается и в неоконченном романе И.В. Омулевского «Попытка – не шутка» – и это все немногочисленные варианты репрезентации одного из ключевых для русской культуры концептов.

Аналогичная ситуация складывается и с осмыслением концепта «родина»: он репрезентирован преимущественно в прозе областников. Именно так начинается «Блудный сын» Г.Н. Потанина: «Не побывать ли мне на родине?» [20], но в данном случае повествователь имеет в виду родное село. А в рассказе «Из переписки молодых друзей» возникает и образное осмысление Сибири в рамках того же концепта: «Извини, что я начал нашу беседу с родины грустным анализом. Это немудрено. Ведь предо мной не идеальный образ спящей красавицы, не “декорация”, которую мы себе рисовали, а холодные струи жизни» [20]. Здесь Потанин апеллирует к изображению Сибири в публицистическом очерке Н.М. Ядринцева «Спящая красавица» (1882). Еще одна репрезентация концепта «родина» присутствует у И.В. Омулевского в рассказе «Сибирячка» (1862): главная героиня, родившаяся в Иркутске и позднее сосланная в Сибирь из Центральной России за убийство, горько замечает: «Так вот я, государь мой, и попала опять на свою родимую сторонку...» [34].

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что на интерпретацию универсальных концептов в творчестве сибирских авторов оказывают влияние специфические реалии жизни региона и вследствие этого доминирующая тематика художественной прозы. Результатом становится видоизменение традиционного смыслового поля ряда концептов, в частности представлений о доме и семье. Герои чаще находятся не в родном доме, а в подменном, временном жилище, которое одинаково характеризуется отсутствием света и воздуха. Актуально и полное «бездомье», которое смыкается с репрезентацией концепта «воля» и нередко романтизируется героями-бродягами. Напротив, обычная крестьянская жизнь, семья и труд ассоциируются у многих героев с неволей. Это связано еще и с негативным наполнением смыслового поля концепта «труд», который предстает в сибирской прозе как непосильная, «каторжная» работа, не приносящая никаких благ, в том числе и материальных.

Ряд концептов, однако, воспроизводится в текстах писателей-сибиряков вполне традиционно. Один из них – «деньги/нажива»: разбогатевшие крестьяне, торгаши-«мироеды» и алчные чиновники однозначно подвергаются осуждению, тогда как нестяжательство, готовность отдать последний рубль товарищу воспеваются как народный идеал. Привычным является и наполнение амбивалентного концепта «жизнь/смерть»: это и любовь героев к рас-

суждениям о правильном образе жизни и ее целях; и сатирическое изображение пустой и бессодержательной жизни-сна, «умирания заживо»; и страстные призывы областников «искать жизни», работать на благо родного края.

Универсалия «счастье/горе» во многом обобщает семантику всех рассмотренных концептов: неустроенная, бесприютная жизнь, тяжелый труд, нищета – все это репрезентанты повсеместного, глобального горя. Не случайно почти в каждом произведении есть свой образ «горемычного» героя. Но этому засилью горя как синонима жизни отчетливо противостоит пафос изображения Сибири как благодатной, «молодой и богатой» страны, которая «сулит столько счастья» человеку. Этот областнический идеал становится позитивным полюсом концептуального наполнения сибирской литературы XIX в. и во многом определяет ее развитие на несколько десятилетий вперед.

Список источников

1. Чурилина Л.Н., Бужинская Д.С. Художественный концепт РОССИЯ как вариант национального концепта // Научный диалог. 2019. № 4. С. 114–126.
2. Володина Н.В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 2-1 (35). С. 9–19.
3. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., 2005. 464 с.
4. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2016. 256 с.
5. Исупов К.Г. Универсалии культуры // Космос русского самосознания: Словарь русской культуры Константина Исупова. URL: <http://russculture.ru/2020/09/14/uniersalii-kultury/> (дата обращения: 26.08.2023).
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. 992 с.
7. Антология концептов : в 8 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005.
8. Антология художественных концептов русской литературы XX века / Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В.В. Цуркан. М., 2019. 356 с. URL: <https://lit.wikireading.ru/heIcl8tWs3> (дата обращения: 29.08.2023).
9. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
10. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
11. Потанин Г.Н. Роман и рассказ в Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 18–40.
12. Потанин Г.Н. Тайжане: историко-литературные материалы. Томск, 1997. 302 с.
13. Учебный фразеологический словарь. М., 1997. URL: https://phraseologiya.academic.ru/69/бросаться_в_глаза (дата обращения: 30.08.2023).
14. Поникаровский Д.А. Сочинения по истории земли Кузнецкой. Кемерово, 2011. 272 с.
15. Омудевский И.В. Попытка – не шутка // Федоров-Омудевский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (дата обращения: 30.08.2023).
16. Наумов Н.И. Избранное. Томск, 2014. 432 с.

17. Григоренко Р.А. Роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» как предопределенный неуспех: поэтика замысла // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 24–32.

18. *Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков* / сост. Л.А. Глинкина. Оренбург, 1998. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-for-gotten-words/fc/slovar-207-3.htm#zag-2007> (дата обращения: 31.08.2023).

19. *Казенный дом* // Викисловарь. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/казенный_дом (дата обращения: 31.08.2023).

20. Потанин Г.Н. Рассказы // Начало века. 2020. № 3. URL: <https://журнальныймир.rf/content/rasskazy-215> (дата обращения: 31.08.2023).

21. *Омuleвский И.В.* Рассказы в осенние вечера. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_rasskazy_olderfo.shtml (дата обращения: 31.08.2023).

22. Ядринцев Н.М. Калмычка. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=162> (дата обращения: 31.08.2023).

23. Загоскин М.В. Яблоня и яблочко. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=297> (дата обращения: 31.08.2023).

24. Черепанов С.И. Сибирячка. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=182> (дата обращения: 31.08.2023).

25. Михеев В.М. По хорошей веревочке. М., 1889. 128 с.

26. Воля // Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 209. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma120911.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 02.09.2023).

27. *Омuleвский И.В.* В мировой камере // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_v_mirovoy_kamere.shtml (дата обращения: 02.09.2023).

28. Черепанов С.И. Неотысканное богатство. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=193> (дата обращения: 04.09.2023).

29. Ордынский А.К. Привидение на заимке. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=257> (дата обращения: 04.09.2023).

30. *Омuleвский И.В.* Сутки на станции // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1862_sutki_na_stanzii.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

31. *Омuleвский И.В.* Новый губернатор // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_novy_gubernator.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

32. Ядринцев Н.М. Неожиданный гость на сибирских святках. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=132> (дата обращения: 05.09.2023).

33. *Омuleвский И.В.* Без крова, хлеба и красок // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_bez_krova.shtml (дата обращения: 06.09.2023).

34. *Омuleвский И.В.* Сибирячка // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1862_sibiraychka.shtml (дата обращения: 06.09.2023).

References

1. Churilina, L.N. & Buzhinskaya, D.S. (2019) Khudozhestvennyy kontsept ROSSIYa kak variant natsional'nogo kontsepta [The artistic concept of RUSSIA as a variant of the national concept]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 114–126.

2. Volodina, N.V. (2018) Kontsept v sisteme kognitivnogo literaturovedeniya: opyt metodologicheskogo podkhoda [Concept in the system of cognitive literary criticism: experience of a methodological approach]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2–1 (35). pp. 9–19.

3. Mikeshina, L.A. (2005) *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiya; Flinta.
4. Volodina, N.V. (2016) *Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya* [Concepts, Universals, Stereotypes in the Field of Literary Criticism]. Moscow: Flinta; Nauka.
5. Isupov, K.G. (2020) *Universalii kul'tury* [Universals of culture]. *Russkaya Kul'tura*. [Online] Available from: <http://russculture.ru/2020/09/14/universalii-kul'tury/> (Accessed: 26.08.2023).
6. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
7. Sternina, I.A. & Karasika, V.I. (eds) (2005) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Volgograd: Paradigma.
8. Vasil'eva, T.I., Karpicheva, N.L. & Tsurkan, V.V. (2019) *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX veka* [Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: Flinta. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/he1cl8tWs3> (Accessed: 29.08.2023).
9. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Literature of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. pp. 18–40.
12. Potanin, G.N. (1997) *Tayzhane: istoriko-literaturnye materialy* [The Taigans: historical and literary materials]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Bystrova, E.A., Okuneva, A.P. & Shanskiy, N.M. (1997) *Uchebnyy frazeologicheskii slovar'* [Educational Phraseological Dictionary]. Moscow: AST. [Online] Available from: https://phraseologiya.academic.ru/69/brosat'sya_v_glaza (Accessed: 30.08.2023).
14. Ponikarovskiy, D.A. (2011) *Sochineniya po istorii zemli Kuznetskoy* [Essays on the History of the Kuznetsk Land]. Kemerovo: INT.
15. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Popytka – ne shutka* [An attempt is not a joke]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (Accessed: 30.08.2023).
16. Naumov, N.I. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya.
17. Grigorenko, R.A. (2018) The Taigans by G. Potanin and N. Yadrintsev as a predestined failure: the poetics of the conception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 24–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/427/3
18. Glinkina, L.A. (ed.) (1998) *Ilyustrirovannyi slovar' zabytykh i trudnykh slov iz proizvedeniy russkoy literatury XVIII–XIX vekov* [Illustrated Dictionary of Forgotten and Difficult Words from Works of Russian Literature of the 18th – 19th Centuries]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. [Online] Available from: <http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-forgotten-words/fc/slovar-207-3.htm#zag-2007> (Accessed: 31.08.2023).
19. Wiktionary. (n.d.) *Kazenny dom* [Government facility]. [Online] Available from: https://ru.wiktionary.org/wiki/kazenny_dom (Accessed: 31.08.2023).
20. Potanin, G.N. (2020) *Rasskazy* [Short stories]. *Nachalo veka*. 3. [Online] Available from: <https://zhurnal'nyimir.rf/content/rasskazy-215> (Accessed: 31.08.2023).
21. Omulevskiy, I.V. (1883) *Rasskazy v osennie vechera* [Stories on autumn evenings]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_rasskazy_olderfo.shtml (Accessed: 31.08.2023).

22. Yadrintsev, N.M. (1897) *Kalmychka* [A Kalmyk Woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=162> (Accessed: 31.08.2023).

23. Zagoskin, M.V. (n.d.) *Yablonya i yablochko* [An Apple Tree and an Apple]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=297> (Accessed: 31.08.2023).

24. Cherepanov, S.I. (n.d.) *Sibiryachka* [A Siberian Woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=182> (Accessed: 31.08.2023).

25. Mikheev, V.M. (1889) *Po khoroshey verevchke* [On a Good Rope]. Moscow: Tip. I.D. Sytina i K^o.

26. Evgen'eva, A.P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresury. P. 209. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma120911.htm?cmd=0&istext=1> (Accessed: 02.09.2023).

27. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *V mirovoy kamere* [In the world chamber]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_v_mirovoy_kamere.shtml (Accessed: 02.09.2023).

28. Cherepanov, S.I. (1857) *Neotyskannoe bogatstvo* [Undiscovered Wealth]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=193> (Accessed: 4.09.2023).

29. Ordynskiy, A.K. (n.d.) *Prividenie na zaimke* [Ghost on the farm]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=257> (Accessed: 4.09.2023).

30. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Sutki na stantsii* [A day at the station]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1862_sutki_na_stanzii.shtml (Accessed: 5.09.2023).

31. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Novyy gubernator* [New governor]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_novy_gubernator.shtml (Accessed: 5.09.2023).

32. Yadrintsev, N.M. (1885) *Neozhidannyi gost' na sibirskikh svyatkakh* [An unexpected guest at Siberian Christmastide]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=132> (Accessed: 05.09.2023).

33. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Bez krova, khleba i krasok* [Without shelter, bread and paints]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_bez_krova.shtml (Accessed: 6.09.2023).

34. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Sibiryachka* [A Siberian Woman]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1862_sibiraychka.shtml (Accessed: 6.09.2023).

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 21.10.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 21.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.*